

ЯМВЛИХ В АФИНАХ

ЕВГЕНИЙ АФОНАСИН

Центр изучения древней философии и классической традиции,
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права СО РАН
afonasin@gmail.com

IAMBlichus IN ATHENS

E. V. AFONASIN

SUMMARY

Following earlier studies by Raubitschek 1964 and Cameron 1969 the paper reexamines literary and epigraphic evidence concerned an Athenian philosopher called Iamblichus, who apparently played an important role in the revival of interest to his famous namesake in early fifth century Athens. The paper is prepared thanks to generous support of the Onassis Foundation in Athens (winter 2008/9).

Первая публикация:

Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Серия: Философия, № 4, т. 1, 2009, с. 26–35

Эта небольшая работа преследует двоякую цель. В ней рассматриваются немногочисленные свидетельства о жизни и научной карьере Ямвлиха, сына Гимерия и внука Сопатра (ученика знаменитого Ямвлиха из Апамеи). Кроме того, эта история может быть прочитана в контексте приключения идей – в качестве примера того, как платонизм сирийской школы мог проникнуть в Афины и утвердиться на родине Платона после полувекового забвения. Рассмотрим для этого некоторые литературные и эпиграфические свидетельства о жизни и ученых занятиях Ямвлиха II и попытаемся поместить их в подходящий культурный контекст.

1. Письмо Либания [574 F(oerster) 490 W(olf)], адресованное Анатолию, префекту Иллирика, переданное Ямвлиху, путешествующему в Рим весной 357 г.

«Ямвлих покидал нас в слезах, причитая: – Неужели я больше никогда не увижу Востока? – Ну отчего же, – ответил я ему, – в скором времени ты встретишь лучших людей Востока среди Иллирийцев! Будучи сообразительным человеком и к тому же родом из семьи, отличающейся интеллектом (τῆς οἰκίας ἐκείνης, ἢ διήνευκε τῷ φρονεῖν), он понял, что я имел в виду и прекратил свои жалобы, мысленно сопоставив здешние города с теми людьми, которым эти города обязаны своей славой. Вспомнив о его бабушке, дяде и дедушке, ты примешь его с должным уважением, познав же со временем его интеллектуальные способности (τῆς γνώμης) – а он привержен наилучшему – ты поразишься этому человеку. Начав же расспрашивать его о моих делах, ты увидишь, что в своем отношении ко мне он во всем подобен тебе, и, постигнув это, ты примешь его как своего сына. Ведь столь велико твое ко мне расположение! Он расскажет и о других вещах, о множестве моих речей, возможно, об их красоте, о множестве учеников и моих трудах на их благо, о юношах, любящих учение, о многих и славных друзьях, о немногих и тщедушных врагах. Сам он тебе об этом не скажет, однако скрывать это было бы неправильно: он поручил мне попечение о нем самом и его делах, из уважения к нашему родству (δεσπότην με τῶν αὐτοῦ μεθ' αὐτοῦ πελοίηται τὴν συγγένειαν αἰδοῦμενος). Впрочем, как мне кажется, он поступил так, отдавая должное моим лучшим качествам, а не потому, что я его родственник».

Такой рекомендацией известный ритор и преподаватель Либаний снабдил своего молодого друга и дальнего родственника Ямвлиха II, решившегося отправиться в столицу. В Письме 571 (Аристенету, 357 г.) Либаний называет нашего Ямвлиха сыном Гимерия, племянником Сопатра, тезкой Ямвлиха и родственником ему самому (τὸν Τερτίου μὲν υἱόν, Σωπάτρου δὲ ἀδελφίδου, Ἰαμβλίχῳ δὲ ὁμώνυμον, ἐμὸν δὲ καὶ συγγενῆ). Кроме того, в Письмах 575 и 593 он говорит, что Ямвлих происходит из философской семьи, а в данном письме он призывает Анатолия принять его с должным уважением, «вспомнив о его бабушке, дяде и дедушке». Издатель писем Либания (Seeck 1906, 184) и некоторые авторы вслед за ним (Raubitschek 1964, 65) на этом основании ошибочно считали, что наш Ямвлих был внуком «божественного Ямвлиха», основателя сирийской школы неоплатонизма. Однако, как показал Cameron 1967, 146–147, если бы он действительно был внуком знаменитого философа, то в контексте Письма 671 (цитата выше) Либаний обязательно сказал бы это. Он же ограничивается отсылкой к знаменитому тезке. Сведения о дяде Ямвлиха по имени Сопатр к счастью дошли до нас: фрагменты его сочинения, адресованного «брату Гимерию», сохранились в составе *Эклоги* Стобея (IV 5, 51 сл.). Сам же Гимерий, который, согласно Либанию (Письмо 573), состоял на государственной службе, может быть идентифицирован с Гимерием префектом Египта, которому адресовано Письмо 201 Пс.-Юлиана (р. 274–277, Iuliani epist. et leges, ed. Bidez–Cumont). В письме автор выражает соболезнование по поводу смерти жены Гимерия и матери его детей (р. 275, 3), одним из которых, видимо и был наш Ямвлих.¹ Отцом же Гимерия и Сопатра был Сопатр старший, ученик и преемник Ямвлиха, знаменитый софист и философ.² Иными словами, хотя наш Ямвлих и не был родственником великого неоплатоника, он безусловно происходил, по словам Либания, из «философской семьи» (возможно, потому, что Гимерий также был учеником Ямвлиха) и в этом смысле сам принадлежал к «философской школе» Ямвлиха.

Итак, молодой Ямвлих отправляется в путешествие. Причина упоминается в Письме 571: молодой Ямвлих был «призван» в Рим, вероятно, чтобы воспользоваться открывшимися возможностями для политической карьеры. До этого, покинув после смерти своего отца Гимерия (вероятно, ок. 350 г.) родной город Апамею, он, как это видно из Писем 385 (см. ниже), 573 и 575, провел некоторое время в Антиохии, продолжая свое обучение под руководством Либания. Анатолий, преторианский префект Иллирика (357–360 гг.), был одним из наиболее важных высокопоставленных друзей Либания и переписка с ним (см. Письмо 333 и др.) показывает его склонность к интеллектуальным занятиям. Правда, скорее всего Ямвлих так и не побывал в Сирмиуме, так что письмо, адресованное префекту Иллирика, ему, вероятно, не понадобилось. Впрочем, у него были и другие рекомендации: к друзьям Либания в Риме и других городах Империи (Письма 569–573, 575–577). Из дальнейшей переписки мы узнаем, что, пережив ряд дорожных неурядиц, вроде холода в горах Амана и недоброжелательности жителей Анкиры (см. Письма 597, 607) Ямвлих так и не прибыл в Рим. Вместо этого он посетил Грецию (Письмо 327), Египет (Письмо 385, см. ниже) и летом 358 г. мы находим его в Константинополе. Причем, как мы знаем от того же Либания (Письмо 327), родственники всерьез опасались, что он не пожелает вернуться в родной город.

¹ Идентификация этого Гимерия со знаменитым софистом Гимерием из Вифнии (о котором см. ниже) неправдоподобна, хотя и предполагалась некоторыми авторами.

² Историю о его возвышении при дворе Константина и казни по обвинению в магии (Сопатр якобы задержал южные ветры и оставил столицу без продовольствия) рассказывает Евнапий (*Жизни философов и софистов*, 44–47 Giangrande).

2. Письмо Либания Ямвлиху [385 F 388 W], отправленное в Константинополь летом 358 г.

«Виды Греции прекрасны! Тебе она понравилась. Египет не хуже. Что и говорить. Тебе осталось только утвердиться дома, а дому твоему вновь обрести тебя. Ведь если ты не чтил ее [Апамею] ранее, то, сроднившись с эллинами, ты конечно же сочтешь и ее достойной восхищения. Если же, избрав жизнь философа, ты решил, что для ее достижения надлежит жить на египетский манер (παρ' Αἰγυπτίων), то учти, что тогда не видать тебе ни золота, ни плодородной земли, ни рабов, ни дома, а родину ты найдешь там, где исполнятся твои благие устремления. Если же покажется нам слишком большим это море, давай вместе займемся тем, что отец, после тяжких трудов, тебе оставил. Вспомни те места, где мы были вместе, речи, которые составляли, и занятия, которыми заполняли свой досуг, наших друзей и родственников, которые теперь в твоём отсутствии винят меня, досаждая и мучая бесконечными расспросами: “Где тот юноша, который во всем слушался тебя?” Мне же – ведь не имея возможности отрицать, что ты всегда слушался меня, я в то же время не могу сказать, что не призывал тебя – остается только молчать, потупив взор».

Очевидно, что политическая карьера не привлекла Ямвлиха так же, как ранее не устроила жизнь провинциального аристократа, мирно проживающего отцовские сбережения. Он стремится к философскому образу жизни, причем «на египетский манер», о чем, вероятно, сообщает в своем письме Либанию. Сопоставление этого образа жизни с широким морем, возможно, также происходит из этого письма. Что имеется в виду трудно сказать: напрашивается сравнение с теургией *Египетских мистерий* «божественного Ямвлиха», хотя не исключено, что здесь нашли отражение его личные впечатления от поездки в Египет (как предполагает Bradbury 2004, 47–48). Как бы там ни было, Ямвлих выбирает Афины и философский образ жизни в относительном уединении.

3. Письмо Либания Ямвлиху [801 F 711 W], отправленное в Афины зимой 362/363 г.

«Твой слуга подошел и спросил о письме и, с некоторым сомнением, я ему дал его. Сомнение мое связано с тем, что ухватившись за этих сынов Эрехта, знаменитый Акрополь, прекрасных людей, места и богов, ты, похоже, пренебрег ради новых радостей тем, что прежде радовало тебя. И все же, дать ему письмо меня убедило или, скорее, заставило расположение к тебе. Ведь ничто не может помешать моей любви к тебе, даже твоё стремление к другому. И претерпев оскорбление, вопреки пословице я не ослаблю уз любви. Именем твоего рода призываю подождать Боэдромиона³ и причаститься божественному; если же тебя влечет какое иное посвящение, то поспешить и вступить в общение с богами через их таинства; но призываю тебя посчитать священным и другое, а именно: вернувшись в отчий дом воссоединиться и пребывать с теми из твоего рода, кто еще жив, и почитать тех, кто уже ушел. А коли земля Паллады⁴ крепко держит тебя, вновь призываю: произведи в Афинах детей и продли наш род. Ведь город полон потомками Кодра,⁵ а одним этим действием ты и породишь сынов и докажешь свою верность тем, кто тебе дорог. Истинно любящие сохраняют свое дружеское расположение к тебе, остальных же ты увидишь бегущими прочь. Мой благородный друг – и из благородной семьи – сделай прежде всего то, что я тебе сказал, ибо это правильно, если же победят неблагоприятные обстоятельства, то пусть легко найдется решение».

Покой и воля в афинской глуши достались Ямвлиху нелегко. Как показывает та же переписка, его планы зимой 358/9 года были неожиданно нарушены политической активностью Фемистия, ратора, комментатора Аристотеля и политического деятеля, который служил всем императорам от Констанция до Феодосия, за исключением Юлиана, предпочитающего неоплатоников.⁶ Отвечающий за набор новых сенаторов Фемистий, видимо, счел Ямвлиха достойным кандидатом и вызвал его в Константинополь. Дабы избавиться от почетной обязанности, Ямвлих отправился в Киликию и вынужден был прибегнуть к се-

³ Третий месяц аттического календаря (2-я пол. сентября – 2-я пол. октября), когда в Афинах и Элевсине справлялись мистерии в честь Деметры и Персефоны.

⁴ Афины.

⁵ Кодр, сын Меланта, согласно легенде, последний царь Аттики, пожертвовавший собой, чтобы спасти страну от нашествия дорийцев.

⁶ О нем см. Солопова 2008, 748–752.

мейным связям. К делу были привлечены такие люди, как префект претория Стратегий. Дядя Ямвлиха Сопатр II и Либаний (Письмо 34) одобряли это стремление, справедливо считая службу в сенате сомнительной честью. Сам Ямвлих, вероятно, был настроен более радикально: он не желал никакой политической карьеры и стремился покинуть столицу как можно скорее, даже ценой разрушения былых связей и семейных уз.

4. Письмо Либания Ямвлиху [1466 F 1072 W], отправленное в Афины или их окрестности (?) в 365 г.

«Не удивлюсь, если ты становишься “царственнее”⁷ по отношению ко мне, нежели кто-либо. Ведь вам, философствующим, это слово подходит более, нежели тем, к кому оно обращено в поэме. Не получая от меня частых писем, не удивляйся, ведь никто из твоих людей больше меня не навещает. Зная причину, я умолчу о ней. Если бы я выступал обвинителем, то сказал бы; для самозащиты же этого достаточно. Я браню лишь твою любовь к деревенской глуши (περὶ τὸν ἀγρόν), из-за которой я не могу увидеть тебя; и хвалю ее же за то, что она избавляет тебя от суеты (θορυβῶν ἕξιω). Ведь любителю муз (φιλόμουσον) подобает уподобиться Музам. А Музы вершат свои дела в горах в тишине и покое. Если бы на Теспийской агоре⁸ они распевали песни, их бы живо освистали. Так что они остались в горах, хотя и не в одиночестве, как, впрочем, и ты. Они пребывали друг с другом, ты же сейчас с теми, кого они коснулись – с Пифагором, Платоном, Аристотелем и твоим божественным тезкой (τὸν Πυθαγόραν, τὸν Πλάτωνα, τὸν Ἀριστοτέλην, τὸν ὁμώνυμον τὸν θεῖον).⁹ Как может быть одиноко там, где собрался столь славный хор?»

По-видимому, общение Ямвлиха II с музами продлилось в весьма благоприятном культурном окружении по крайней мере до конца века, как об этом свидетельствуют упоминания его имени в поздних письмах Либания (Письма 850, 901,¹⁰ 903 и 925, датируемые 390/1 гг.) и примечательная стела с двумя эпиграммами, найденная на Афинской агоре и датируемая примерно 400 г.¹¹

⁷ Аллюзия на *Илиаду* 9.160.

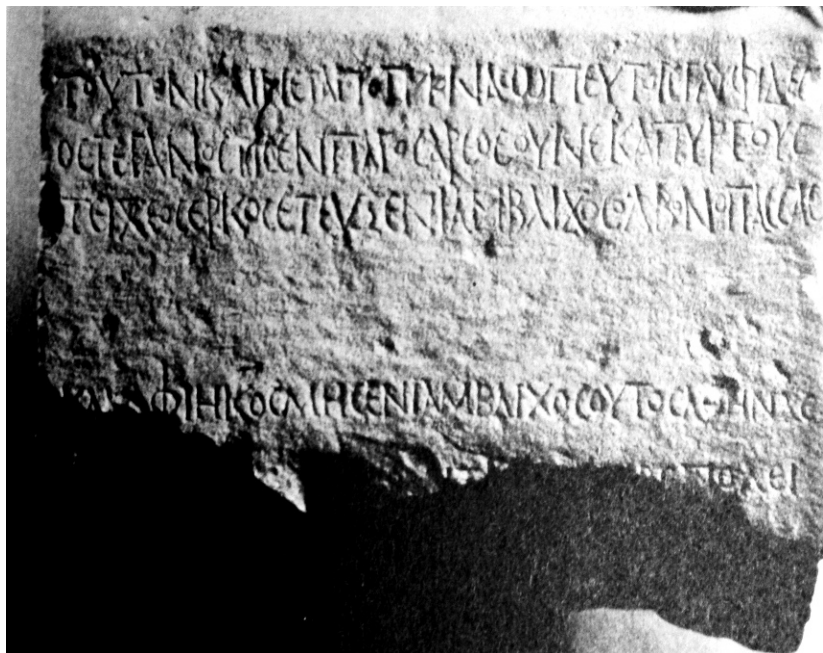
⁸ Теспии – город в Беотии на юго-восточном склоне Геликона. Согласно Павсанию (9.31.3) здесь проходило ежегодное празднование, посвященное музам.

⁹ Raubitschek (1964, 66) принимает ошибочную пунктуацию: τὸν Πυθαγόραν, τὸν Πλάτωνα, τὸν Ἀριστοτέλην, τὸν ὁμώνυμον, τὸν θεῖον – с Пифагором, Платоном, Аристотелем, (твоим) тезкой (то есть Ямвлихом), и дядей (то есть Сопатром). «Божественным» Ямвлиха величают сам Либаний (*Речи* 52.21), Юлиан (Письмо 12), а также Прокл, Сириан, Симпликий и др. См. Cameron 1967, 148.

¹⁰ В этом письме он называет Ямвлиха уважаемым человеком, много сделавшим для Эллинов.

¹¹ Кроме того, сохранилось письмо знаменитого общественного деятеля, префекта Рима и консула Симмаха, датируемое 90-х гг. (*Письма IX* 2), в котором автор в изящных выражениях предлагает Ямвлиху свою дружбу.

5. Эпиграмма, прославляющая Ямвлиха, высеченная на основании гермы, обнаруженной в феврале 1936 г. во время раскопок на Афинской агоре на месте Стои Аттала (Музей Агоры, Inv. No. I 3542, высота 0,51 м, ширина 0,29 м, толщина 0,24 м, высота букв 0,017 м, фото автора). Публикация текста и комментарий Raubitschek 1964 и Cameron 1967.

Герма повреждена сверху и снизу, однако видно, что она представляла собой портрет бородатого мужчины в одеянии философа. Возможно, изготовленная во втором веке н. э. она была использована заново в четвертом: надпись на основании была грубо соскоблена и заменена новой. Первая эпиграмма, три строки гекзаметром, сохранилась полностью, вторая (дистих) частично утрачена, причем середина строки (буквы НКРАΤΕΡΟΝ) также в настоящее время потеряна по причине позднейшего скола. Текст восстанавливается издателями так:

Τοῦτον καὶ μετὰ πότμον ἄθωπευτοῖς γλυφίδεσσ[ι]
ὁ στεγανὸς τίσεν Πάγος Ἄρεος οὐνεκα πύργους
τείχεος ἔρκος ἔτευξεν Ἰάμβλιχος ὄλβον ὄπασσας.

Καὶ σοφίη κόσμησεν Ἰάμβλιχος οὗτος Ἀθήνας
[καὶ κρανα]ῆ¹² κρατερὸν τε[ίχος ἐπ]ῆρε¹³ πόλει.

Как замечает Raubitschek (1964, 64) γλυφίς означает резец (*Греческая антология* VI 62 и 64), ἄθωπευτός же относится к человеку, прославляемому надписью, которая, таким образом, «не преувеличивает» или даже, «не в силах оценить по достоинству» его заслуги:

¹² [καὶ κρανα]ῆ Roberts, Cameron; [καὶ δαπάν]η Raubitschek

¹³ ἐπ]ῆρε Roberts, Cameron; ἐπ]ῆρε Raubitschek

Этой памятной надписью тенистый холм Ареопага
прославил заслуги Ямвлиха, ведь башни и защитные стены
он воздвиг, щедро поделившись своим богатством.

И мудростью своей украсил этот Ямвлих Афины,
И каменную для города воздвиг могучую стену.¹⁴

Необходимость укрепления городских стен могла быть связана с усилением опасности со стороны готов, которые после битвы при Адрианополе в 378 г. свободно прошли через Балканы и вторглись в Северную Грецию. Опасность усилилась после того, как армии вестготов под командованием Алариха пришли во Фракию ок. 390 г., а к 395 г. прошли через Фермопилы и захватили Пирей, а затем и Афины.¹⁵ Данные раскопок в центре Афин опровергают популярную историю, рассказанную Зосимой (5.6.1–3), о том, что Аларих якобы испугался вооруженных афинских воинов и укреплений и заключил с ними мирный договор. Впрочем, другие античные авторы оценивали ситуацию менее оптимистично. Картина полного разрушения, к примеру, предстала между 395 и 399 гг. перед взором Синесия из Кирены, который описал свои впечатления от первого и последнего его визита в Афины в письмах к брату (Письма 54 и 135). Раскопки у Дипилона и на Агоре показывают, что многие здания, пережившие нашествие 267 г. или восстановленные после него вновь были разрушены в это время. Кроме того, в 375 г. в Аттике было сильное землетрясение. Так что Афинские стены и разрушенный город нужно было восстанавливать непосредственно перед 390 гг. и сразу после 396 г., и в это дело внес свой вклад не только наш Ямвлих, но и, позже, некий «софист» Плутарх, посвятивший статую Геркулию, префекту Иллирика (407–412) и благодетелю Афин, а также трижды снарядивший корабль на Панафинеи. Несмотря на сомнения некоторых авторов (например, Saffrey–Westerink 1968, xxx), Франц настаивает на том, что этим человеком мог быть Плутарх, основатель афинской школы неоплатонизма (Franz 1988, 63–64).

Чем во второй половине четвертого века можно было заниматься в Афинах человеку с философскими интересами? Относительный расцвет философии во втором веке, когда в Афинах преподавали Никострат, Тавр и Атик, а император Марк Аврелий учредил здесь четыре философских кафедры (подробнее см. Диллон 2002, 238 сл.)¹⁶ сменился относительным же упадком в третьем веке: Лонгин (в пересказе Порфирия, *Жизнь Плотина* 20) жалуется, что во времена его молодости было много философов, а теперь ситуация изменилась к худшему. Из «преемников по Афинской академии» он называет лишь Феодота и Евбула (последнему принадлежало сочинение с довольно странным названием: «О *Филебе*, *Горгии* и аристотелевские возражения на *Государство* Платона», о котором Лонгин, судя по всему, был невысокого мнения). Ранее у Порфирия (15) упоминается работа Евбула о платоновских вопросах, которые тот прислал Плотину из Афин, причем сообщается, что эта работа Плотина не заинтересовала.

Главной причиной упадка были, естественно, политические события: нашествие герулов в 267 г. нанесло непоправимый урон городу. Население бежало, была разрушена agora и многие другие культурные памятники, так что Афины навсегда утратили свой античный облик, фактически сжавшись до пределов Акрополя и небольшой территории вокруг него, укреплен-

¹⁴ Или: «На свои средства ([καὶ δατάv]η) для города воздвиг могучую стену» (Raubitschek 1964, 64). Критика и исправления Cameron 1967, 143–144.

¹⁵ Подробное исследование отражения этих событий в памятниках Афин см. Frantz 1988, 51 сл., Castrén 1994 и Camp 1994.

¹⁶ Не в этом ли контексте следует рассматривать три загадочные плиты с надписями ΣΤΟΙΚΩΝ, ΚΥΝΙΚΩΝ, [ΕΠΙΚΟΥΡΕ]ΙΩΝ, использованные в здании IV в. на Древней Агоре, но вероятно изготовленные на два столетия ранее и, возможно, предназначенные для какой-то библиотеки или школы (Frantz 1988, 61–62).

ной так называемой пост-геруланской стеной, наспех постороженной из обломков сооружений на агоре (Frantz 1988, 1–11). И все же, как показывают исследования (Frantz 1988, 17, со ссылкой на Millar 1969), культурная традиция в Афинах не только не прервалась, но и сравнительно быстро снова набрала силу. Совет Ареопага функционировал до второй половины четвертого века. Столько же, если не дольше, праздновались Панафинеи. И хотя былых философских школ в Афинах (как и вообще в Элладе) к началу четвертого века уже не существовало, город сохранил свое влияние в качестве образовательного центра и, что еще более важно, сохранил репутацию идеологически свободного города: христиане мирно уживались здесь с язычниками, а распространение христианства как государственной религии и сопутствующие этому процессу политические меры до начала шестого века обходили Афины стороной.

В 336 г. в Афины прибыл учиться Либаний, мечтавший, по его собственным словам, об этом с детства (Письмо 627), так что Ямвлиху II было с кого брать пример. По сообщению Евнапия, который сам учился в Афинах в 60-е годы того же века, здесь находился дом знаменитого софиста Юлиана Кесарийского. Его учениками были, в числе прочих, Проэресий, Гефестион, Епифаний из Сирии и Диофант Араб (*Жизни философов и софистов*, р. 59–61 Giangrande).¹⁷ В Афинах преподавал и конкурент христианина Проэресия софист Гимерий из Вифинии (там же, р. 75 Giangrande), который в своих *Речах* рассуждал не только о Платоне, Пифагоре и Аристотеле, но и Зеноне, Клеанфе, Хрисиппе, Демокрите, Эпикуре и даже Пирроне (*Declamationes et orationes* 48, р. 195 ed. A. Colonna). Наконец, посещал Афины и придворный философ императора Юлиана Приск.¹⁸ К сожалению, мы ничего не знаем о деталях этого визита. Не исключено, что Приск способствовал распространению философии Ямвлиха в Афинах, хотя Cameron 1967, 151–152 высказывает сомнение по этому поводу. В самом деле, в Письме 12 Юлиана, адресованном нашему философу, император просит его прислать ему комментарий Ямвлиха на «Халдейские оракулы», точнее, взять отредактированную копию этого трактата Ямвлиха у сестры его зятя (р. 19.2–3 Bidez). Если Приск, заключает Камерон, не имел своей копии этого важного сочинения Ямвлиха, можно предположить, что он в действительности не очень интересовался теургией. Напротив, Ямвлих II происходил из философской семьи, которая явно хранила традицию «египетского образа жизни» по «божественному Ямвлиху», долгое время жил в Афинах, в том числе и в период обучения будущего основателя Афинской школы неоплатонизма Плутарха (род. ок. 350 г.), поэтому предположение о его определяющем влиянии на формирование теургических интересов афинских неоплатоников выглядит естественным.

¹⁷ Евнапий рисует следующую примечательную картину: «Автор лично видел дом Юлиана Каппадокийского в Афинах. Дом этот был маленький и простой, однако от него, словно от храма, исходил дух Гермеса и муз. Этот дом Юлиан завещал Проэресию. В этом доме были сделаны изображения тех из учеников Юлиана, которыми он наиболее восхищался; был здесь также амфитеатр, внешним видом напоминающий общественные театры, но меньше, чтобы его размеры подходили для дома. Ибо в те времена в Афинах между гражданами города и учащейся молодежью была такая вражда, что город впервые после древних войн почувствовал за своими стенами опасность. В результате ни одному софисту не позволили ходить в город и выступать перед публикой, так что они были вынуждены ограничить свою деятельность выступлениями в частных амфитеатрах и здесь проводили занятия с учениками. Так они избежали опасности для своей жизни и могли, не рискуя, получать одобрение и похвалу за свое красноречие» (пер. Е. В. Дарк и М. Л. Хорьков). Любимый ученик Юлиана Проэресий приобрел невероятную известность, был изгнан из Афин, вернулся туда и умер в 367 г. (Молодой Евнапий стал его учеником и подробно рассказывает о его жизни в своем сочинении). Известна эпиграмма в память о Проэресии, написанная будущим христианским богословом Григорием Назианзином.

¹⁸ Приск учился у Эдесия, после гибели Сопатра продолжившего «школу» Ямвлиха, вместе с знаменитым Максимумом Эфесским, неким Евсевием, юным будущим императором Юлианом и будущим учителем Евнапия Хризанфием (*Жизни*, р. 69 Giangrande и др.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дарк Е. В., Хорьков М. Л., пер. (1997) *Евнаний. Жизни философов и софистов*, в сб. *Римские историки IV века* (Москва) 225–294
- Диллон Дж. (2002) *Средние Платоники* (Санкт-Петербург)
- Солопова М. А., ред. (2008) *Античная философия. Энциклопедический словарь* (Москва)
- Bradbury S., tr. (2004) *Selected Letters of Libanius from the Age of Constantinus and Julian* (Liverpool)
- Cameron A. (1967) “Iamblichus at Athens”, *Athenaeum*, n. s. 45, 143—153
- Camp John McK. II (1994) *The Athenian Agora. A Guide to the Excavation and Museum* (Athens)
- Castrén P., ed. (1994) *Post-Herulian Athens. Aspects of Live and Culture in Athens, A. D. 267 –529* (Helsinki)
- Foerster R., ed. (1922, 1997²) *Libanii Opera*, vol X—XI: Epistulae (Leipzig, repr. Hildesheim)
- Frantz A., Tompson H., Travlos J. (1988) *The Athenian Agora. Results of Excavations conducted by the Americal School of Classical Studies at Athens. Vol. XXIV: Late Antiquity, A. D. 267 – 700* (Princeton, N. J.) Review: Castrén P., *Gnomon* 63 (1991) 474—6
- Millar F. (1969) “P. Herennius Dexippus: The Greek World and the Third-Century Invasions”, *Journal of Roman Studies* 59, 12–29
- Norman A. F., ed. (1992) *Libanius. Autobiography and Selected Letters* (Cambridge, MA / London)
- Raubitschek A. E. (1964) “Iamblichos at Athens”, *Hesperia* 33, 63—68
- Seeck O. (1906, 1966²) *Die Briefe des Libanius* (Hildesheim)
- Saffrey H. D., Westerink L. G. (1968) “L'école d'Athènes au IVe siècle”, *Proclus. Théologie Platonicienne*, I (Paris) xxxv–xlvi
- Giangrande J., ed. (1956) *Eunapius. Vitae sophistarum* (Roma)